

Никита Ломагин

КНИГА О НАРОДНОЙ ПРАВДЕ

Путь к правде, наверное, никогда не бывает легким, даже если речь идет о «Блокадной книге» Алеся Адамовича и Даниила Гранина. Ставшее для всех, интересующихся ленинградской эпопеей, хрестоматийным, это произведение пробивало себе дорогу через многочисленные препоны советской цензуры в течение долгих лет, прежде чем читатель получил, наконец, возможность увидеть его в первоначальном виде.

Написанная на основе интервью и дневников, «Блокадная книга» стала первым исследованием повседневной жизни горожан в период одной из самых продолжительных и жертвенных битв Второй мировой войны.

По подсчетам историков, в городе, главным образом от голода, погибло более 800 тысяч человек, т. е. четверть довоенного населения Ленинграда. Ни один город в современной истории не нес таких колоссальных потерь. При этом почти одному миллиону ленинградцев удалось пережить первую блокадную зиму.

Каковы были стратегии выживания в условиях жесточайшего голода, холода, отсутствия электричества и водопровода, постоянных бомбежек и артиллерийских обстрелов? Что представляла собой блокадная этика? Какую роль играла семья в период блокады? Что думали ленинградцы о власти, что готовы были ей простить, а что принять не могли? Многие из этих вопросов стали камнем преткновения для цензоров, которые всячески стремились не допустить разномыслия и отклонения от установившегося в литературе о блокаде канона, нашедшего, в частности, свое воплощение в многократно переизданной книге «Ленинград в блокаде» Д. В. Павлова, который в течение нескольких месяцев был уполномоченным ГКО по обеспечению населения города и войск Ленинградского фронта продовольствием.

«Блокадная книга», даже со значительными цензурными правками, не только изменила представление о том, что довелось пережить блокадникам, каковы были пределы человеческих возможностей, но и породила мощнейший отклик в среде читателей, тех, кто перенес это страшное испытание.

По сути, А. Адамович и Д. Гранин расширили пространство правды о жизни в осажденном городе, они воскресили память о том, как видели блокаду рядовые ленинградцы. Как большие художники, они придали блокаде смысл не только жертвенности во имя спасения страны, но и сохранения человечности и достоинства.

В постсоветское время были опубликованы десятки книг и сборников, посвященных обороне Ленинграда, а также блокадной повседневности. Но лучшие из них, несомненно, вышли из «Блокадной книги».

Наталья Соколовская

«БЛОКАДНАЯ КНИГА»: ОСВОБОЖДЕННАЯ ПАМЯТЬ

В 1979 году в московском издательстве «Советский писатель» ничтожно малым по советским меркам тиражом — 30 тысяч экземпляров — увидело свет первое (неполное) издание «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина.

История осажденного Ленинграда стала первой народной книгой о блокаде.

Блокаду Даниил Гранин назвал «эпопеей страданий человеческих».

«В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор». Благодаря «Блокадной книге» — впервые заговорил хор. Голосами простых горожан заговорил Ленинград смертной зимой 1941–42 годов.

Писатели довольно быстро поняли, что публикация книги столкнется с серьезными трудностями. Слишком отличалась блокадная память и блокадная правда простых людей от пафоса победного героизма, принятого в официальном советском военном дискурсе, от предписанного официозом канона.

Судьба книги решалась на Старой площади, в ЦК КПСС. Первая часть должна была выйти в №№ 7 и 8 журнала «Новый мир» за 1977 год. Однако публикация была остановлена Отделом пропаганды ЦК КПСС по записке из Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (гриф «Секретно»).

Только спустя полгода, в № 12 «Нового мира», вышел фрагмент книги уже с цензурными изъятиями и правками.

В «Блокадной книге» Гранин и Адамович продолжили борьбу с госаппаратом за подлинную цифру блокадных жертв, борьбу, начатую на десять лет раньше ленинградскими историками В. М. Ковальчуком и Г. Л. Соболевым, опубликовавшими в журнале «Вопросы истории» (№ 12 за 1965 год) статью «Ленинградский „реквием“ (О жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады)».

Про «заговор молчания вокруг Ленинграда» писала в своем блокадном дневнике Ольга Берггольц: «А для слова — правдивого слова о Ленинграде — еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще?» (запись от 20 марта 1942 года). Это был настоящий заговор партэлиты против города.

Согласно указаниям цензуры, в новой редакции текста появилась и отдельная глава, посвященная работе партийных и советских органов власти Ленинграда, — с подчеркнута негероическим названием «Исполнение обязанности». В последующих редакциях книги эта глава получила название «Что можно было сделать» — с отсутствием знака вопроса в вопросительной конструкции, что дает возможность для самой широкой интонационной интерпретации фразы.

В 1979 году в издательстве «Советский писатель» вышла подвергнутая цензуре первая часть «Блокадной книги». Наконец, в № 11 журнала «Новый мир» за 1981 год появилась давно уже готовая к публикации вторая часть.

«Еще никто и никогда не написал то, что Вы, — как жили и умирали в блокаде... И даже уверенности не было, что это когда-нибудь найдет выражение, и вот теперь это произошло» (из письма З. В. Блюхер, дочери маршала В. К. Блюхера).

В 1982 году в московском издательстве «Советский писатель» вышел полный (цензурированный) текст «Блокадной книги».

А в 1984 году, после смены руководства города, книга наконец выходит в Ленинграде, на месте описываемых событий.

* * *

«Блокадная книга» безусловно стоит на главной книжной полке человечества как свидетельство об одной из тяжелейших гуманитарных катастроф XX века.

Есть в «Блокадной книге» посыл, крайне важный для сегодняшнего дня: «Литература должна снова и снова напоминать, что нет красоты в войне, а жестокость, кровь, гадость. То, что так делал Толстой. ...Снова показать то, о чем литература забывать готова, — как жестока и отвратительна война...» (Из записных книжек Алеся Адамовича).

Эта запись созвучна строкам из блокадного дневника Ольги Берггольц, чье имя неоднократно появляется на страницах «Блокадной книги»: «...единственное, о чем надо говорить... — это о том, что война — позор, бесчестие людей...» (запись от 8 января 1942 года).

Человек является мерой всех вещей — именно с этой точки зрения создавалась книга. Такой подход был новым для литературы, в которой главенствовал метод социалистического реализма. Столь же новым явился и опыт осмысления и проживания коллективной травмы.

Построенные в духе соцреалистического канона с его жесткими цензурными ограничениями и непременным требованием «светлого куска», постблокадные тексты (их основной корпус) советских писателей, поэтов, публицистов явили миру особый, героический образ блокады и блокадных людей, выживших и победивших под «неусыпным руководством коммунистической партии». Произошло то, о чем сказал блокадник, академик Д. С. Лихачев: «Из ленинградской блокады делают „сюсюк“».

В Первом послании апостола Павла к Коринфянам сказано: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе...» Никто из вошедших в библейскую катастрофу блокады не вышел из нее прежним. Жизнь «при последней трубе» дала людям новые знания о себе, новый, неизвестный дотоле духовный и физический опыт противостояния расчеловечиванию. Но опыт этот в условиях советской системы остался практически невостребованным. Это была арестованная память целого города.

И вот, спустя тридцать лет после окончания блокады, к людям, носителям этой «замороженной», «отложенной» памяти, приходят писатели — Гранин и Адамович. Они начинают собирать материал для будущей «Блокадной книги» и на тот момент сами не вполне представляют, в какую запредельную область пережитого вторгаются. Так началась очень болезненная, но совершенно необходимая активация памяти, нужной и самим носителям этой памяти, и, что важно, поколениям, не имеющим физического и трансцендентного опыта блокады.

Для блокадников публикация книги оказалась сигналом: люди почувствовали необходимость и, главное, право говорить. И они воспользовались этой первой и, может быть, единственной для них, настоящих свидетелей блокады, возможностью. С блокадной памяти была снята осада. На писателей обрушилась лавина писем. Не только слова благодарности звучали в них: люди рассказывали о своем блокадном опыте, делились блокадной правдой, которая долгие годы оставалась не востребованной. Это были письма-исповеди. Некоторые приведены в настоящем издании.

Уже в постсоветское время книга была дополнена материалами, изъятыми цензурой, а также главой «Ленинградское дело» и историей создания «Блокадной книги».

В 2014 году в книгу Д. Граниным был включен рассказ «Ромовые бабы», а Наталья Адамович, дочь А. Адамовича, предоставила для публикации записные книжки отца.

6 сентября 2019 года в Санкт-Петербурге, в Государственном музее политической истории России состоялось открытие выставки «Люди хотят знать»*, посвященной 40-летию выхода «Блокадной книги», 75-летию полного снятия блокады и 100-летию Даниила Гранина. На основе этой выставки создана настоящая книга.

«Пришло время», «люди хотят знать», «людям надо», «если все действительно рассказать»... Эти слова когда-то были вычеркнуты цензором. Цензурные изъятия мы видим на страницах машинописи и журнальной верстки. Часть показана в этой книге, и это тот случай, когда зачеркнутое следует читать.

Прошли десятилетия. Была ли удовлетворена в обществе потребность знания, потребность правды о блокаде? На этот вопрос могут ответить как отзывы уже современных читателей, оставленные на сайтах интернет-магазинов, так и отзывы посетителей выставки.

А «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина и сейчас остается самой востребованной народной книгой о трагедии, пережитой великим городом.

* Проект осуществлен Фондом сохранения и популяризации наследия Д. Гранина при финансовой поддержке строительной компании «Эльба». Кураторы: Н. Соколовская, М. Чернышева-Гранина. Консультанты: А. Чистиков, заведующий отделом современной истории России СПбИИ РАН, и Ю. Демиденко, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея. Оформление и реализация проекта — «Дизайн-студия Laika».

* * *

В книге впервые воспроизведены материалы из фонда Даниила Гранина в ЦГАЛИ СПб. Также впервые воспроизведены материалы из личного архива Алеся Адамовича; письмо З. В. Блюхер, письма И. А. Андреевко (в блокаду был заместителем председателя Ленгорисполкома, заведующим отделом торговли), А. С. Болдырева (в блокаду был сотрудником А. Н. Косыгина, уполномоченного Государственного комитета обороны), В. И. Пименова (полковника в отставке, заместителя секретаря партийного бюро по идеологической работе). Впервые воспроизведена стенограмма бесед авторов книги с И. А. Андреевко (в частности, о количестве жертв блокады), машинопись книги и верстка с авторской, редакторской и цензурной правкой, а также письма блокадников и секретные документы, остановившие журнальную публикацию книги. Впервые показаны довоенная и послевоенная фотографии Н. А. Панова, известного всему миру по безымянной фотографии блокадника с хлебом в руке.

Алесь Адамович. 1984
Фотограф Евгений Коктыш

Адамович Алесь (Александр) Михайлович

1926–1994 (в паспорте указан 1927 г. р.)

1941–1944 В годы войны вместе с матерью и старшим братом становится участником подполья в поселке Глуша Бобруйского района. Затем вместе с семьей воюет в партизанском отряде Минского соединения.

Саша Адамович (справа)
с мамой и братом.
1938

Саша Адамович.
1935 <1936>

В партизанах. Саша Адамович
второй справа в верхнем ряду.
Май 1943

1945 В Глуше экстерном сдает экзамены за среднюю школу. Поступает в Белорусский государственный университет (БГУ), оканчивает по специальности «филолог» (1950).

Алесь Адамович.
1944

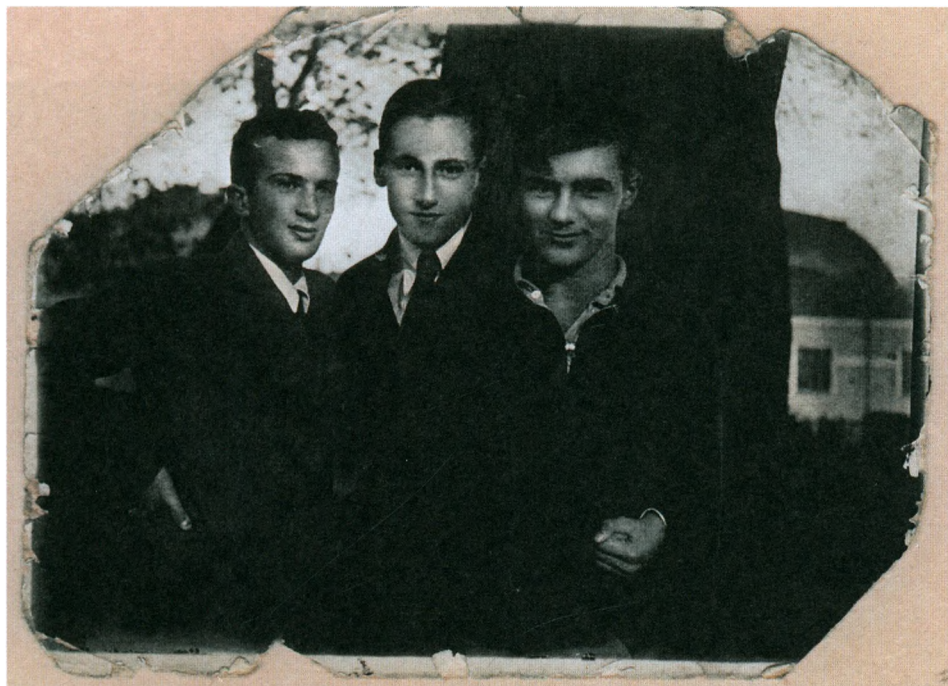

Даниил Герман.
Перед уходом
в Народное ополчение.
1941

Грaнин (Герман) Дaниил Aлeксaндрoвич

1918–2017 (в пaспoрте уkaзaн 1919 г. р.)

1935 Oкaнчивaет Трудoвую шкoлу № 15 (бывшее Тенишевское училище).

Дaня Герман (спрaвa)
со шкoльными дpузьями.
<1936>

1937 В гaзeтe «Рeзец» нaпeчaтaнa пepвaя пpозa — рaссaз «Вoзвpaщeниe Рульякa».

1940 Oкaнчивaет Лeнингpaдский пoлитeхничeский инcтитут (ЛПИ) пo cпeциaльнoсти «инжeнep-элeктpик». Пocлe инcтитута рaбoтaeт нa Кирoвcкoм зaвoдe и oднoвpeмeннo учитcя в зaoчнoй aспиpaнтурe ЛПИ.

1941, июль. Вcтупaeт в ряды 1-й Кирoвcкoй дивизии нaрoднoгo oпoлчeния (ДНО). Вoeвaл нa Лужcкoм рубeжe.

1941, ceнтябрь. Лeнингpaдский фрoнт, 292-й oтдeльный пулeмeтнo-aртиллepийский бaтaльoн, cтapший пoлитpук.

1942, aпpель. Лeнингpaдский фрoнт, 2-й oтдeльный peмoнтнo-вocтaнoвитeльный бaтaльoн 42-й aрмии (peмoнт бpoнeтaнкoвoй тeхники).

1943, втoрaя пoлoвинa. Нaпpaвлeн нa учeбу в Гopькoвcкoe тaнкoвoe училищe.

Лeнингpaдский фрoнт.
1942

ЭВАКУАЦИЯ

Из Ленинграда было эвакуировано:

с 29 июня по 27 августа 1941 г.

636 203 человека;

с начала блокады до 22 января 1942 г.

(водным транспортом, авиацией, походным порядком через Ладожское озеро и неорганизованно автотранспортом)

104 711 человек;

с 22 января по 15 апреля 1942 г.

(по Ледовой дороге) **554 186** человек.

Всего эвакуировано с 29 июня 1941 г.

по 15 апреля 1942 г.

1 295 100 человек.

(Из отчета городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г.)

Точное число ленинградцев, умерших во время эвакуации, неизвестно.

ФАКТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЕЖЕДНЕВНОГО СНАБЖЕНИЯ ХЛЕБОМ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1943 гг. (в граммах)

С какого времени введена норма	Группы населения			
	рабочие и ИТР	служащие	индивиды	дети до 12 лет
С 18 июля 1941 г.	800	600	400	400
С 2 сентября 1941 г.	600	400	300	300
С 12 сентября 1941 г.	500	300	250	200
С 2 октября 1941 г.	400	200	200	200
С 13 ноября 1941 г.	300	150	150	150
С 20 ноября 1941 г.	250	125	125	125
С 25 декабря 1941 г.	350	200	200	200
С 24 января 1942 г.	400	300	250	250
С 11 февраля 1942 г.	500	400	300	300
С 22 февраля 1943 г.	600	500	400	400

СМЕРТНОСТЬ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЗИМОЙ 1941 — ВЕСНОЙ 1942 г.

Декабрь 1941 г. — **52 881** человек

Январь 1942 г. — **101 568** человек

Февраль 1942 г. — **108 029** человек

Март 1942 г. — **95 869** человек

Апрель 1942 г. — **81 541** человек

Май 1942 г. — **53 256** человек

По неполным данным городского статуправления (декабрь 1941 г.) и горотдела ЗАГС (остальные месяцы).

8 июня 1977 г. — Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.,

касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, запрещено использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны.

Очистка города. Художник Соломон Боим. 1942

Очистка города

Я считал, что знаю, что такое блокада. Когда ко мне в семьдесят четвертом году приехал Алесь Адамович и предложил писать книгу о блокаде, записывать рассказы блокадников — я отказался. Считал, что про блокаду все известно. ...Ничего нового для себя я не представлял. Он долго меня уговаривал... ..Наконец, поскольку у нас были давние, дружеские отношения, он уговорил хотя бы поехать послушать рассказ его знакомой блокадницы.

...Блокадники передавали нас друг другу. Тогда блокадников было много. Это были семидесятые годы; середина — конец семидесятых годов. Мы ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру, выслушивали, записывали на магнитофон рассказы.

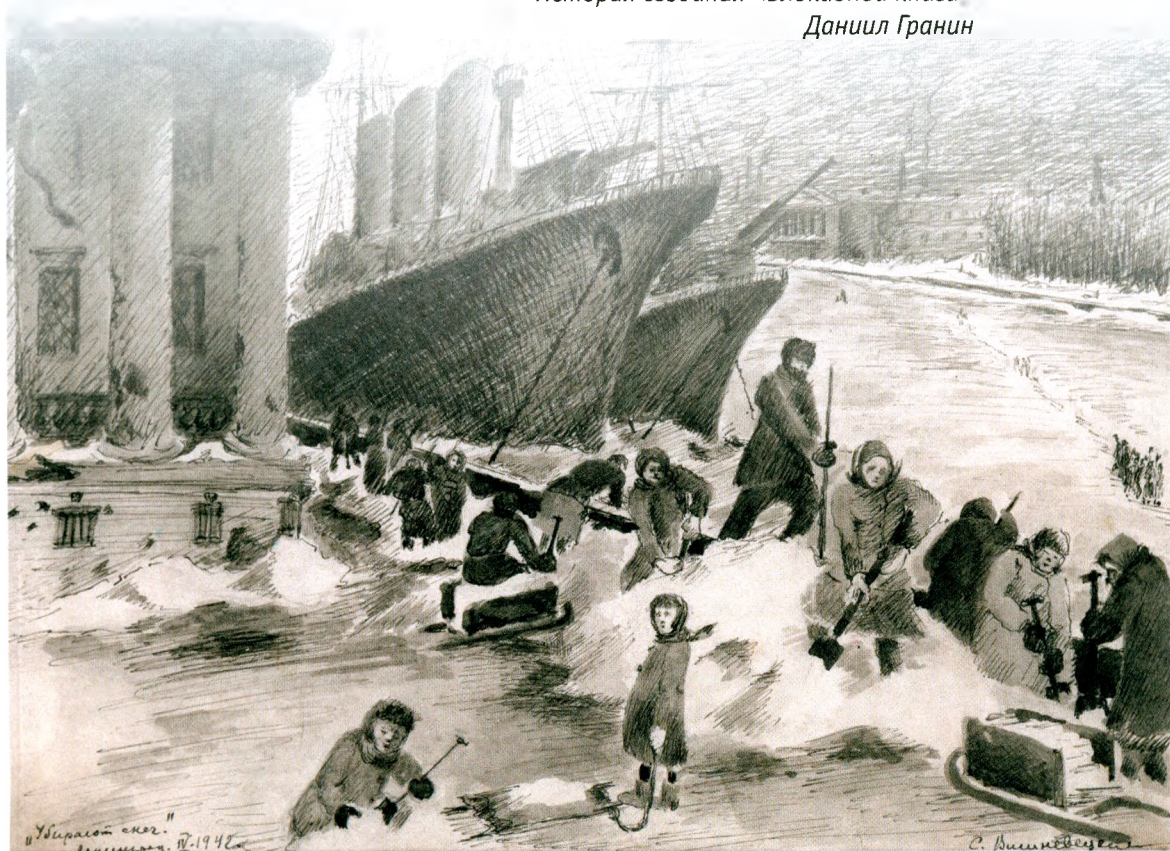
...Приходили мы — а блокадники, большей частью, не хотели ничего рассказывать. Не хотели возвращаться в ту зиму, в те блокадные годы, в голод, в загаженную квартиру, в свое первобытное состояние. Ни за что!.. Потом соглашались. Как правило, не было ни одного случая, чтобы нам отказали наотрез.

...Собственно говоря, с половины работы мы поняли, что напечатать эту книгу будет почти невозможно. Существовал к тому времени устоявшийся, окаменелый стереотип идеологии блокады. Блокада — героическая эпопея.

...На Нюрнбергском процессе было зафиксировано, что погибло шестьсот шестьдесят тысяч горожан. Мы вскоре поняли, что эта цифра преуменьшена значительно. А главное — что дело не в героизме. В конце концов, для многих это был вынужденный героизм...

Это была эпопея страданий человеческих.

*История создания «Блокадной книги»
Даниил Гранин*

Убирают снег. Художник Софья Вишневецкая. 4 апреля 1942

<1974?>

Дорогой Даниил Александрович!

...Почти кончил плановую и освободил себя на 1975 год, а заодно и на 1976 (пока там еще подступишься, а нагонять буду потом — снова в конце срока). Так что смогу заниматься нашим делом с чистой головой и свободными руками...

С уважением, Адамович

Дорогой Даниил Александрович!

Читаю рассказ за рассказом — подряд. Делаю заметки на полях и сортирую (предварительно). И вот на этой, первой, стадии возникает ощущение, которым (чтобы и себе прояснить) делюсь с Вами.

А что, если строить так? (В материале это заложено, диктует он и такой вариант.)

Отдельными штрихами (из дневников и т. д.) подводить читателя к главному, ему неизвестному, идя от известного.

Ленинград сжимают, тревога, что прорвутся, бомбежки, заботы о том, о другом, все это кажется главным, самым трудным и страшным...

Но самое страшное уже вошло в город, «заслано» (Берггольц), оно уже на пороге — голод! Вдруг, внезапно видят — падают люди, трупы возле тебя...

...Дать огромную главу, используя самые сильные места из всего материала, чтобы «Голод» встал перед глазами читающих, как никогда и нигде не вставал (материал у нас есть!). Как бы уже безотносительно к Ленинграду — голод как таковой!

И когда это воздвигнем и возникнет даже ощущение — ну, перед этим человек исчезает, бессилён, ибо в действие вступают силы, ему почти неподвластные!..

Вот тогда и сработают главы, в которых мы показываем, что человек мог оставаться, оставаясь человеком, даже здесь! (Спасатели, матери и дети, женщина и пр. и пр. И как Ленинград ломал блокаду и т. д.) Т. е. у нас будет не публицистическая композиция, а почти «художественная»: столкновение эмоциональное. А это куда сильнее, конечно.

Вот я и подбираю сейчас материал для этой первой главы, о чем Вас и информирую.

Чтобы нам держать друг друга «в курсе».

...Жду от Вас соображений и возражений.

Благополучия Дому Вашему!

Адамович

23.4.76

Черновик. Из архива Алеся Адамовича